

Розділ: Психотерапія та культура

УДК 316.485.26(=161.2)

П. П. Горноста́й

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРАВМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

У статті обґрунтовується гіпотеза про зв'язок національного характеру, як соціально-психологічної характеристики великих груп людей, з колективними травмами, які ці групи пережили. Розглядаються передумови та особливості українського національного характеру в зв'язку з колективними травмами, особливо – з травмою Голодомору. Досліджуються можливі передумови агресивності в характеристиках групової психології окремих націй. Запропоновано типологію способів подолання колективних травм, закріплених у національному характері. З позицій даної концепції проаналізовані події 2013–14 років: «Революція гідності», розстріл «Небесної сотні» та війна в Донбасі. Зроблено висновки про необхідність соціально-психологічної роботи, щодо подолання негативних явища, пов'язаних з передумовами та наслідками як історичних, так і сучасних колективних травм.

Ключові слова: колективна травма, трансгенераційна передача, подолання травми, національний характер, травма Голодомору, групове несвідоме, соціодрама.

The article grounds the hypothesis about the relationship of the national character, as socio-psychological characteristics of large groups of people, with the collective traumas that these groups have experienced. Preconditions and features of the Ukrainian national character in connection with collective traumas, in particular – with trauma of the Holodomor are examined. Possible prerequisites of aggressiveness in characteristics of group psychology of individual nations are explored. Typology of coping with collective traumas, enshrined in national character, is offered. From the standpoint of present concept analyzed following events 2013–14: "The revolution of dignity," shooting "Heavenly Hundred" and the war in the Donbas. The conclusions about need for social and psychological work to overcome the negative effects associated with prerequisites and consequences of both historical and contemporary collective traumas.

Keywords: collective trauma, transgenerational transmission, coping with trauma, national character, trauma of the Holodomor, group unconscious, sociodrama.

В статье обосновывается гипотеза о связи национального характера, как социально-психологической характеристики больших групп людей, с коллективными травмами, которые эти группы пережили. Рассматриваются предпосылки и особенности украинского национального характера в связи с коллективными травмами, в особенности – с травмой Голодомора. Исследуются возможные предпосылки агрессивности в характеристиках групповой психологии отдельных наций. Предложена типология способов совладания с коллективными травмами, закрепленных в национальном характере. С позиций данной концепции проанализированы события 2013–14 годов: «Революция достоинства», расстрел «Небесной сотни» и война в Донбассе. Сделаны выводы о необходимости социально-

психологической работы, по преодолению негативных явления, связанных с предпосылками и последствиями как исторических, так и современных коллективных травм.

Ключевые слова: коллективная травма, трансгенерационная передача, совладание с травмой, национальный характер, травма Голодомора, групповое бессознательное, социодрама.

Психологам и психотерапевтам известна такая закономерность: если индивидуальные травмы человека не прорабатываются должным образом, они становятся источником психологических проблем в будущем. Их влияние может быть многообразным: от относительно локальных синдромов (ярким примером может служить ПТСР) до формирования дисгармоничного жизненного сценария личности в целом. Незавершенные травмы, так или иначе, связаны с множеством последствий, прежде всего – явными или скрытыми проблемами с самооценкой и Я-концепцией.

В психологии больших групп можно проследить похожие закономерности, когда коллективные травмы, которые испытал социум, не совладав с ними в полной мере, становятся проблемами на социально-психологическом уровне [1; 2; 5; 8; 9]. Незавершенные травмы имеют важное свойство не оставаться на этапе одного поколения, а делегироваться последующим. Это явление описано многими авторами как трансгенерационная передача коллективных травм [7; 10; 11; 17]. Так, бразильский психолог Роза Кукиер пишет, что «существуют групповые механизмы, до известной степени еще неизвестные науке, используемые для сдерживания и трансгенерационной передачи негодования, травм и несправедливости, испытанных данным поколением» [7, с. 35]. Чем меньше возможностей у общества проработать коллективную травму, тем больше вероятность закрепления ее последствий в будущем. «Всякий раз, когда целое поколение опустошено, поработано, и ему запрещено оплакивать и ритуализировать свою потерю, <...> выжившие в подобной трагедии доверяют выражение этих чувств своим потомкам, как будто следующие поколения могли бы получить задание оплакивания траура, когда-то запрещенного их предкам» [7, с. 34].

Подобная эстафета между поколениями является причиной живучести многих социальных противоречий, которые могут проявляться в таких варварских формах, как этнический, религиозный, политический или имеющий другие социальные основания терроризм и «кровная месть». При этом фактор времени не играет решающей роли. Потомки переживают травму своих предков, как свою собственную, даже спустя целые столетия. Кровная месть – это крайняя степень подобных проявлений, но даже если до этого не доходит, существуют множество примеров межгрупповых конфликтов, когда причины ненависти у одних больших (этнических, конфессиональных или иных) групп по отношению к другим не имеют ничего общего с реальными взаимоотношениями этих социальных субъектов в настоящий период времени.

Мы выделяем четыре группы факторов, определяющих тяжесть коллективных травм и их последствий: 1) масштаб, сила травматизации; 2) уровень переживания несправедливости во время травматизации; 3) невозможность (или неспособность) противостоять травмирующей силе или субъекту – пассивность жертвы, часто вынужденная;

4) невозможность (неспособность) эмоционального отреагирования оставшимися в живых пострадавшими и их потомками [4].

Трансгенерационная передача – это один из механизмов закрепления непроработанных последствий травматизации в групповой психологии больших масс людей, в менталитете, в особенностях национального характера. Это влияние особенно сильно, если травма, не завершившись на уровне травмированного поколения и не получив должной проработки на уровне последующих, подавляется, а ее отреагирование всячески блокируется. Иными словами, степень тяжести коллективной травмы, с учетом ее трансгенерационной эстафеты, должна быть соразмерной с объемом реальной психологической работы по совладанию с ней. Чем тяжелее сама травма, чем больший эмоциональный ущерб от нее и чем меньше уровень осознанности всего, что с ней связано, тем более тяжелые и непредсказуемые последствия она имеет. Травма довольно долго может оставаться актуальной проблемой для большой группы, а ее подавление в групповом сознании (путем вытеснения, отрицания, замещения и других механизмов) приводит к большим деформациям групповой психологии данной социальной общности.

Совладание с коллективной травмой предполагает разные формы ритуализации и «окультуривания» той боли, которую она причинила социуму (наподобие оплакивания индивидуального горя, в том числе с использованием известных ритуалов прощания, поминания и им подобных). «Культура передает свое сообщение горя наиболее специфическими способами. Например, она может использовать массовую коммуникацию, чтобы сообщить о случае, или создавать анекдоты как способ переработки трагедии. Она может использовать культурные обряды, чтобы праздновать годовщину этих травмирующих событий, или она может строить памятники из металла или камня, чтобы символизировать силу, с которой эти события будут вечно помнить» [7, с. 34].

Среди разных способов совладания с коллективной травмой одним из самых эффективных способов переработки травматического опыта является создание героического эпоса, который был практически у всех народов и во все эпохи. На его страницах оплакиваются трагические события, именно это переживание является способом излечения от коллективной травмы, история которой положена в основу эпического сюжета. Время создания средневековых эпосов (их пик приходится на XI–XIII века) примерно соответствует периоду бурного развития государственности стран средневековой Европы и предшествует эпохе Возрождения. Этот жанр культуры можно считать одним из важнейших факторов формирования национальной психологии европейских государств.

Но описание травматизации в коллективных продуктах культуры (кроме эпоса – это фольклор, народные сказки и т.п.) еще не является гарантией исцеления и отражает разную степень проработанности. Иногда мы имеем дело с фиксацией на травмах, обидах, с незавершенностью действий, связанных с ритуализацией и оплакиванием. Таким образом, в традиционных продуктах культуры может отражаться скрытая или явная агрессивность или, наоборот – депрессивность, как показатели национального характера. За всем этим может просматриваться психология агрессора или жертвы и связанный с этим комплекс национальной неполноценности, который тоже может быть явным или скрытым, а также в большей или меньшей степени скомпенсированным.

Большое значение имеет отношение к травме, выраженное в эпосе. Оно может быть завершено-катарсическим (в аристотелевском понимании термина «катарсис»), или незавершенным, когда травма не уходит в прошлое, а остается в актуальном состоянии, но не прямо, а в форме деформаций групповой психологии, иногда превращаясь в национальную идеологию. Потребность жить в средневековой мифе, поддерживая культ «героического прошлого», порождает идеи некоего возмездия, как преодоления исторической травматизации с помощью политики войны. Примерами могут служить такие агрессивные нации, как Германия (особенно – в 1 половине XX века), а также СССР и его преемница Россия, хотя здесь истоки такой коллективной психологии, при всей схожести механизмов, могут быть связаны с более поздними историческими реалиями.

Еще более глубокие исторические корни агрессивности общественной психологии можно найти в древних религиях, где характерно поклонение жестоким (иногда – звероподобным) богам. Историческая эволюция религий сопровождается очеловечиванием богов и снижением агрессивности, но часто происходит возврат к элементам жестокости, например – возрождение языческих традиций «человеческих жертвоприношений» в истории Инквизиции, воссоздавшей их в практике сжигания людей на костре. В истории религии есть много примеров открыто агрессивных идеологий вроде сатанизма, различных тоталитарных сект, исповедующих физическое и психологическое насилие, в том числе и аутоагрессию.

В исторической перспективе мы наблюдаем диалектическую взаимосвязь между непроработанностью коллективных травм групповыми носителями религиозных идеологий и компенсацией их последствий в разных проявлениях гуманизма и тоталитаризма. Тем не менее, в развитии цивилизации прослеживается эволюция от агрессивных идеологий к гуманистическим, что не может не отражаться на национальном характере. Примером гуманистической общественной психологии является современная Западная Европа, где даже реакции на террористические акты весьма сдержанны и не являются явно агрессивными. В то же время в других частях мира реакция на теракты бывает совсем другая, вплоть до развязывания военных действий.

Влияние идеологии (в том числе – религиозной) на национальную групповую психологию очень велико. Так, религиозный фундаментализм может быть связан с коллективными травмами, являясь неконструктивным способом «совладания» с ними. Яркими примерами являются мусульманский фундаментализм, набирающий силу православный фундаментализм (названный некоторыми политологами «православным фашизмом»), а в исторической перспективе – католическая Инквизиция. Корни мусульманского фундаментализма уходят в историю средневековых крестовых походов против мусульман и конфликт между мусульманской и христианской цивилизацией, насчитывающий много столетий. По иронии судьбы, нынешние межнациональные противостояния также провоцируются современными «крестовыми походами». Например, агрессия России против Украины в 2014 году, провозглашена кремлевскими идеологами как «священная война против фашизма».

Комплекс национальной неполноценности может компенсироваться эволюцией от идеи неполноценности к идее нарциссического величия (что можно видеть на примере довоенной Германии и современной России). Происходят трансформации в сфере

национальной психологии от депрессивных характеристик к явно или неявно агрессивным с помощью различных механизмов психологической защиты, проявляющиеся как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Чаще всего здесь мы имеем дело с расщеплением, замещением, проекцией и проективной идентификацией, идентификацией с агрессором, отрицанием, регрессией и вытеснением. Они создают предпосылки агрессивного взаимодействия, например, как показала Джудит Тезари, механизмы проекции и проективной идентификации задействованы в формировании образа врага [16].

Как утверждал Хайнц Когут, группа часто использует регрессивные, нарциссические формы сплочения и достижения своего величия, которые резко возрастают, когда на величие группы совершается атака (или когда есть воображаемая угроза этому величию), и проявляются в нарциссической агрессии [13]. Он писал: «Желание перевести пассивный опыт в активный, механизм идентификации с агрессором, садистская напряженность, сохранившаяся у тех, кто, будучи детьми, претерпел садистское обращение своих родителей – все эти факторы помогают объяснить готовность склонного к стыду индивида противодействовать ситуации, которую он может потенциально спровоцировать, используя простое средство: активно (и часто упреждающе) нанести другим тот нарциссический ущерб, который сам боится получить» [цит. по 7, с. 36].

В зависимости от разных обстоятельств (тяжести травматизации и ее последствий, застревании на травме или ее вытеснении, стремлении восстановить нарушенное травмой равновесие и других) группа вырабатывает типичные формы совладания с травмой, которые закрепляются в национальном характере. Обобщая сказанное можно классифицировать типы такого реагирования на травмирующий опыт, используя два параметра: активность-пассивность и миролюбивость-агрессивность (рис. 1).



Рис. 1. Типы реагирования на травмирующий опыт, закрепленные в национальном характере

Мы получаем типологию способов совладания с коллективной травмой, закрепленных в таких типах национального характера: агрессивный; пассивно-агрессивный; депрессивный и нормальный. По сути, все типы, кроме нормального, представляют собой регрессивные формы, но наиболее ярко это присуще депрессивному типу. Эта классификация представляет собой частный вариант типологии национальных характеров в срезе отношения к коллективной травме, в данном случае именно этот критерий представляют для нас интерес.

Как все это отражается в наших современных реалиях? Можно проанализировать, какие коллективные травмы повлияли на менталитет украинцев. Только за последнее столетие наша нация испытала много травмирующих событий, самые сильные из которых приходится на первую треть этого периода: фактическое поражение в гражданской войне за независимость; коллективизация и раскулачивание; Голодомор; сталинские репрессии; Вторая мировая война (включая аннексию Западной Украины и подавление там освободительного движения). Хотя последующие периоды были не столь драматичными, там тоже хватало коллективных травм, из которых самыми существенными были Чернобыльская катастрофа, а также социальный, экономический и политический кризис 90-х годов (о травмах последнего времени будет сказано отдельно).

Самое разрушительное влияние на национальный характер украинцев оказала коллективная травма Голодомора. Обоснуем это, опираясь на выделенные нами факторы травматизации. Из пережитых травм – это одна из самых массовых: от голода по разным оценкам умерло от 3,5 до 5 миллионов человек (примерно 15% населения Украины в целом, а в некоторых регионах вымирали целые села). По количеству жертв эта травма уступает только травме Второй мировой войны, но там эти жертвы приходятся на почти четыре года, здесь же смертность (если рассматривать ее в единицу времени) была намного выше.

С современных позиций эта трагедия оценивается как «вопиющая несправедливость» (второй фактор), ведь умерли ни в чем не повинные люди (среди них – огромное количество детей). Мало того, они были объявлены властью «вредителями», «саботажниками», им фактически было отказано в моральном праве на жизнь. Во время Голодомора также была своего рода «информационная война», направленная на дискредитацию людей, умиравших от фактически искусственно организованного голода.

Голодомор происходил при почти полном отсутствии сопротивления (третий фактор). Не было «голодных бунтов», восстаний, люди пассивно позволили себя умертвить. Эта выглядело как тотальная подавленность, социальная депрессия, паралич общества, от которого оно по-настоящему не оправилось до сих пор.

Наконец, почти не проводилось никакой работы по социальному исцелению от этой трагедии (четвертый фактор травматизации). Не только не было «коллективного оплакивания», эта тема вообще десятилетиями была запрещена в общественном сознании. В этом плане она разительно отличается от травмы войны, где общество имело возможность в полной мере «оплакать» жертвы с помощью множества фильмов, памятников, празднования годовщин и т.п. В результате – травма Голодомора подверглась тотальному

вытеснению из общественного сознания и находится на самом глубоком уровне группового бессознательного.

Все это не могло не сказаться на менталитете украинцев, тем более что травма геноцида сама по себе является одной из самых тяжелых среди возможных коллективных травм и с трудом поддается исцелению. Голодомор оказал большое влияние на украинский национальный характер; в этом, кстати, различие между ментальностью украинцев, живущих в центральных и западных областях, не знавших этого геноцида. Из последствий Голодомора мы можем назвать политическую пассивность; политический нигилизм; терпимость (толерантность), которая иногда просто зашкаливает или доходит до неконструктивных уровней; психология жертвы, неверие в свои силы. Толерантность украинцев и их пассивность сыграла негативную роль на начальной стадии агрессии России весной 2014 года.

На российский менталитет тоже оказали влияние коллективные травмы, и здесь также можно проследить закономерность: чем меньше проработана травма, тем сложнее и драматичнее ее последствия. В истории России было немало травм, многие из которых (репрессии, война и др.) – общие с нами. Не анализируя влияние всех этих событий (это должно быть предметом отдельного исследования), остановимся на одном моменте, который представляется важным в контексте обсуждаемой темы.

Безусловно, агрессивная политика России связана с травмой распада империи (или угрозы распада) и попыткой реванша за территориальные потери. Это почти очевидно. Но на эту травму накладывается еще одна. Мы много говорим об участии СССР в Великой отечественной войне, но никто не любит упоминать об участии во Второй мировой войне фактически на стороне Германии. Оккупация Финляндии, восточной части Польши, Прибалтики проходила при фактическом сговоре с Гитлером. Лишь когда в июне 1941 года бывший союзник, нарушив договоры, напал на СССР, и наша страна, пересмотрев многие ценности, вступила в антигитлеровскую коалицию, стало окончательно понятно, с каким чудовищем мы имели дело.

Но вслед за этим позором не произошло признания вины и покаяния (как это сделала послевоенная Германия). Возникла иллюзия, что победа может все списать, но здесь требовались дополнительные средства. Возможно, пропагандистская кампания о Великой Победе над фашизмом и нацизмом в войне 1941–45 годов нужна была для того, чтобы вытеснить из коллективной исторической памяти фактический сговор с Германией в 1938–41 годах. А также для оправдания собственной милитаризации, а потом – и нового нацизма. Если отрицания недостаточно для освобождения от травмы стыда, нужно еще более усиливать значимость Победы, превратив ее в самый культовый праздник, актуальность которого в течение 70 лет только возрастала. Нужно продолжать Великую отечественную войну до бесконечности. Россия воюет сейчас против Украины, в том числе и по этой причине, объявив украинцев новыми «фашистами», а войну против них «Великой отечественной». Этому способствуют и исторические параллели: когда на Западной Украине в 40-е годы XX века было сильно движение бандеровцев за отделение Украины от СССР,

с ними фактично воевали війська НКВД. Сьогодні, коли Україна взяла курс на євроінтеграцію, всі українці стали «бандерівцями», з якими потрібно воювати.

Об'явив себе прийомниками СРСР, а тим більше – Російської імперії, країна неминуче бере на себе відповідальність за всі дії, як хороші, так і погані, країни-предшественниці (в тому числі, крім того, і за Голодомор). Якщо так, то найкращий прогресивний шлях розвитку повинен полягати в адекватній оцінці негативних подій, покаранні за злочини попередньої влади і виборі гуманістичної стратегії розвитку. Ми були свідками, наприклад, як католицька церква покалася за злочини Інквізиції. Якщо цього не відбувається, то злочини або виправдовуються, або заперечуються, в обох випадках не відбувається звільнення від їх травмуючого впливу. Навіть травма сорому не менш сильна і небезпечна, ніж травма образу.

На прикладі України ми бачили, як витіснення травми стає причиною депресивного способу справляння (принаймні, такою вона була до подій на Майдані 2013–14 років). На прикладі Росії видно, як заперечення травми пов'язано з агресивним типом реакції. Використовуючи нашу схему, можна проілюструвати різні типи реакції на травмуючий досвід, закріплені в національному характері наступними прикладами (рис. 2). Росія і Україна займають тут антагоністичні позиції. Прогресивний тип представляють сучасні Західна Європа і США. В антагоністичній позиції до них знаходяться країни-ізгої, найбільш якими представниками яких є Куба і Північна Корея.

З колективними травмами певним чином пов'язані події, що відбуваються в Україні, починаючи з осені 2013 року. Вони дуже важливі в тому плані, що тут починає проявлятися по-справжньому активна форма суспільного розвитку. Ми є свідками абсолютно нового способу подолання наслідків колективних травм, ніж це було в попередні періоди історії нашої країни. Сьогодні багато говорять, що на наших очах відбувається народження нації. Це не просто красива метафора. Активність суспільства за останній рік зросла більше, ніж за весь попередній період незалежності, можливо навіть більше, ніж за останні сто років.

Ця активність, різко проявившись в «Революції гідності», натолкнулася на нову колективну травму, пов'язану спочатку з розстрілом мітингувальників на Майдані Незалежності в Києві («Небесної сотні»), а потім – з російською агресією. Розстріл «Небесної сотні» був першим етапом цієї травми, її активною фазою, хоча активність була ще неоднорідною: при великій емоційній підтримці значуща частина суспільства опинилася в стані шоку, пасивно переживаючи травму, а інша частина – була в стані активного опору («Антимайдан»).

Другим етапом травми стала анексія Криму (пасивна фаза). Це був найгіршим для переживання травми, коли довелося здати цю територію практично без боротьби (з мінімальним оппортуном). Ми не обговорюємо об'єктивні причини, за якими не був вибраний активний сценарій (ві, ймовірно, були), але наявні психологічні фактори, про які йде мова. Тут відбулася регресія суспільства до депресивного рівня, можливо навіть до історичного періоду травми геноциду.



Рис. 2. Примеры разных типов национальных характеров

Так называемое сепаратистское движение на востоке страны и последовавшие за этим проявления терроризма фактически разбудило общество. Оно постепенно опомнилось и вышло из пике, куда было отправлено российской агрессией в Крыму. Начался третий этап травмы – война в Донбассе (наиболее активная фаза). Активность проявилась в росте добровольческого и волонтерского движения на фронте и в тылу, а также сопротивления информационной войне в информационном пространстве. Все это, несмотря на фактическую импотентность государства, обеспечило успех в борьбе с терроризмом.

Прямое вторжение российских регулярных войск изменило расстановку сил и нанесло удар по активности украинского общества. Начался четвертый этап коллективной травмы, закончившийся перемирием (пассивной фазой). Фактически мы снова вернулись на уровень травмы (4-й квадрант на схемах), но здесь он не такой депрессивный, как на 2-м этапе, скорее он похож на пассивно-агрессивный (3-й квадрант). Общество сейчас имеет много ресурсов, чтобы справиться с травмой и выйти на 1-й (прогрессивный) уровень. Символически – это и есть путь в Европу.

Мы сможем оказаться на этом уровне, если сумеем провести все необходимые реформы, построить независимое демократическое государство и развитое гражданское общество, способные решать все проблемы в политической, экономической (в том числе – энергетической) и социальной сферах. Но каким путем это произойдет, сейчас сказать трудно. Возможно, если эскалация российской агрессии будет продолжаться (а это весьма вероятно), придется пройти весь цикл (4–3–2–1), используя агрессивные ресурсы, чтобы «разозлившись» на агрессора, завоевать независимость не самым быстрым, но наиболее надежным способом (рис. 3).

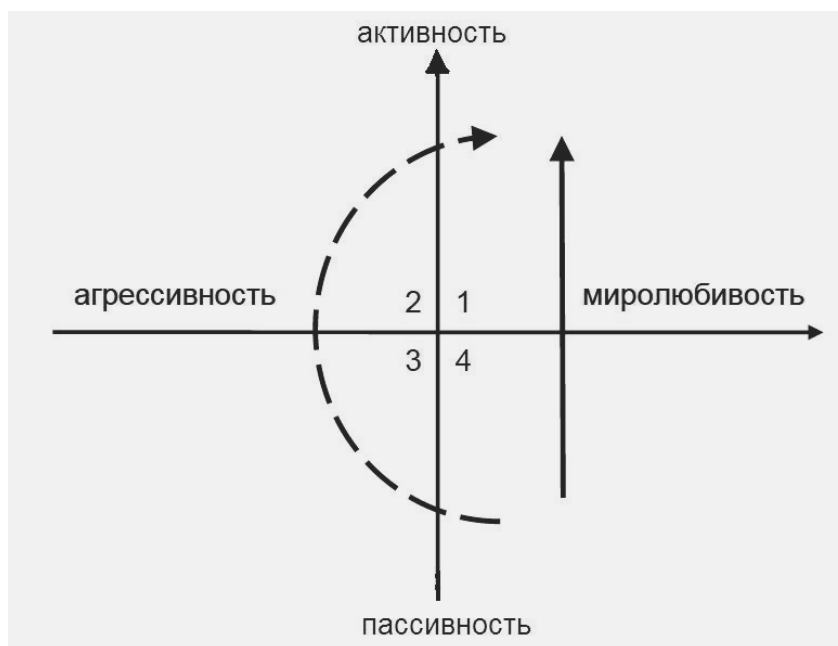


Рис. 3. Пути выхода из депрессивных последствий коллективной

Мы действительно переживаем сейчас рождение нации, а рождение часто происходит в муках. Но чем труднее дается «дитя», тем оно желаннее и любимее. А чтобы это рождение прошло эффективно, нужно преодолеть последствия не только исторических травм, но и той коллективной травмы, которая происходит сейчас на наших глазах.

Эта травма имеет как внешние источники (российская агрессия, организация и поддержка терроризма), так и внутренние предпосылки (социальные противоречия, различия идентичностей больших групп людей), которые были использованы для раскачивания конфликтной ситуации. Конфликт между большими группами людей может возникать даже из-за вымышленных и искусственно созданных поводов, а не реальных событий (например, приписывание несуществующих преступлений). Но возникнув, конфликт немедленно приобретает реальные основания (причем, с обеих сторон) и дальше начинает питать сам себя. В этом коварство таких конфликтов и сложность справиться с их последствиями. Даже если выяснить, что реального повода для конфликта первоначально не было, все равно – последующая его эскалация предоставляет массу доводов, обоюдно «оправдывающих» агрессию. Как правило, в этих случаях забывают, с чего все начиналось, но хорошо помнят, сколько потерь понесла каждая сторона. Это создает предпосылку живучести социальных конфликтов даже за пределами одного поколения [17].

Коллективная травма касается не только жертвы агрессии (геноцида, теракта), но и агрессора, на плечи которого ложится ответственность за содеянное. Чтобы преодолеть связанные с этим чувства вины и стыда, необходимо покаяние, как составная часть исцеления от коллективной травмы, что мы видели на примере Германии. Попытки вытеснить чувство стыда и отрицать вину очень опасны, так как порождают новую агрессию, не приводящую к освобождению от травмы. В подобном исцелении нуждается и российская нация, история которой отягощена многими такими травмами, начиная, как минимум, с эпохи прихода к власти большевиков.

Все эти социальные проблемы, касающиеся как предпосылок, так и последствий коллективных травм, нуждаются в социальной терапии, в усилиях социальных психологов и психотерапевтов. Только политических и социальных решений здесь недостаточно. Хорошим методом работы с подобными проблемами является социодрама, которая использовалась в разрешении многих социальных конфликтов [12; 14; 15]. Она доказала свою эффективность не только в работе с коллективными травмами, но и в преодолении социальных и политических противоречий, кризисов, расовых, этнических, религиозных и других различий между людьми [6]. Подобные проблемы обострились в нашем обществе 10 лет назад во время «Оранжевой революции» [3], но они не были тогда решены, что и послужило одной из предпосылок нынешнего кризиса. Так или иначе, их придется решать наряду с экономическими и социальными реформами, тем более что сейчас они оказались отягощенными многими новыми последствиями, вызванными войной. Их решение – это еще одна из гарантий выхода из исторических коллективных травм нашего общества и преодоления депрессивных элементов национального характера.

Литература

1. Гой Т. В. Общество и коллективная травма: Семинар Питера Келлермана / Т. В. Гой, П. П. Горностай, Е. В. Кистаева // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 2–3. – С. 141–145.
2. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / В. Де Гольжак ; пер. с франц. – М. : Изд-во Ин-та Психотерапии, 2003. – 233 с.
3. Горностай П. П. Социодрама на Майдане: Четыре цвета украинской политики / П. П. Горностай // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 43–49.
4. Горностай П. П. Колективна травма та групова ідентичність / Павло Горностай // Психологічні перспективи. Спеціальний випуск: Актуальні проблеми психології малих, середніх та великих груп. – Т. 2. Проблема цілісності суспільства, групи та особистості. – К., 2012. – С. 89–95.
5. Кампенхаут, ван Д. Слезы предков. Жертвы и преследователи в коллективной душе / Д. ван Кампенхаут. – М. : Институт консультирования и системных решений, 2012. – 240 с.
6. Келлерман П. Ф. Социодрама / П. Ф. Келлерман // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 7–21.
7. Кукиер Р. Психодрама Человечества. Действительно ли это утопия? / Р. Кукиер // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 29–42.
8. Наор Я. Театр Холокоста / Я. Наор // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 4. – С. 15–30.
9. Семиліт М. В. Проектування життєвого шляху особистості: соціально-психологічний аналіз / М. В. Семиліт. – Київ : ІСПП, видавець Чабаненко Ю. А., 2013. – 278 с.
10. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование

геносоциогаммы / А. А. Шутценбергер ; пер с франц. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 240 с.

11. Kellermann N. P. F. (2000). Transmission of Holocaust Trauma / [Електронний ресурс] : N. P. F. Kellermann // National Israeli Center for Psychosocial Support of Survivors of the Holocaust and the Second Generation / Режим доступу : <http://peterfelix.tripod.com/home/trans.htm>

12. Kellermann P. F. Sociodrama and Collective Trauma / P. F. Kellermann. – London : Jessica Kingsley, 2007. – 191 p.

13. Kohut H. Self Psychology and the Humanities / H. Kohut ; C. Strozier, ed. – New York : W. W. Norton, 1985. – 290 p.

14. Moreno J. L. Who shall survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama / J. L. Moreno. – Beacon, N.Y. : Beacon House Inc., 1953. – cxiv; 763 p.

15. Sociodrama in a Changing World: An anthology of international developments / Ed. by R. Wiener, D. Adderley, K. Kirk. – Raleigh, NC: www.lulu.com, 2011. – 355 p.

16. Teszáry J. Projection and projective identification as mechanisms in the creation of an enemy / J. Teszáry // Sociodrama in a Changing World: An anthology of international developments / Ed. by R. Wiener, D. Adderley, K. Kirk. – Raleigh, NC: www.lulu.com, 2011. – P. 213–217.

17. Volkan V. Bloodlines: from ethnic pride to ethnic terrorism / V. Volkan. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1997. – 280 p.

Literatura

1. Goj T. V. Obshhestvo i kollektivnaja travma: Seminar Pitera Kellermana / T. V. Goj, P. P. Gornostaj, E. V. Kistaeva // Psihodrama i sovremennaja psihoterapija. – 2005. – № 2–3. – S. 141–145.

2. De Gol'zhak V. Istorija v nasledstvo: Semejnyj roman i social'naja traektorija / V. de Gol'zhak ; per. s franc. – M. : Izd-vo In-ta Psihoterapii, 2003. – 233 s.

3. Gornostaj P. P. Sociodrama na Majdane: Chetyre cveta ukrainskoj politiki / P. P. Gornostaj // Psihodrama i sovremennaja psihoterapija. – 2004. – № 4. – S. 43–49.

4. Gornostaj P. P. Kolektivna travma ta grupova identichnist' / Pavlo Gornostaj // Psihologichni perspektivi. Special'nij vipusk: Aktual'ni problemi psihologii malih, serednih ta velikih grup. – T. 2. Problema cilisnosti suspil'stva, grupi ta osobistosti. – K., 2012. – S. 89–95.

5. Kampenhaut, van D. Slezy predkov. Zhertvy i presledovateli v kollektivnoj dushe / D. van Kampenhaut. – M. : Institut konsul'tirovanija i sistemnyh reshenij, 2012. – 240 s.

6. Kellerman P. F. Sociodrama / P. F. Kellerman // Psihodrama i sovremennaja psihoterapija. – 2004. – № 4. – S. 7–21.

7. Kukier R. Psihodrama Chelovechestva. Dejstvitel'no li jeto utopija? / R. Kukier // Psihodrama i sovremennaja psihoterapija. – 2004. – № 4. – S. 29–42.

8. Naor, Ja. Teatr Holokosta / Ja. Naor // Psihodrama i sovremennaja psihoterapija. – 2005. – № 4. – S. 15–30.

9. Semilit M. V. Proektuvannja zhitteвого shljahu osobistosti: social'no-psihologichnij analiz / M. V. Semilit. – Kiiv: ISPP, vidavec' Chabanenko Ju. A., 2013. – 278 s.

10. Shutcemberger A. A. Sindrom predkov. Transgeneracionnye svjazi, semejne tajny, sindrom godovshhiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosociogrammy / A. A. Shutcemberger ; per s franc. – M. : Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2005. – 240 s.
11. Kellermann N. P. F. (2000). Transmission of Holocaust Trauma / [Elektronnij resurs] : N. P. F. Kellermann // National Israeli Center for Psychosocial Support of Survivors of the Holocaust and the Second Generation / Rezhim dostupu : <http://peterfelix.tripod.com/home/trans.htm>
12. Kellermann P. F. Sociodrama and Collective Trauma / P. F. Kellermann. – London : Jessica Kingsley, 2007. – 191 p.
13. Kohut H. Self Psychology and the Humanities. / H. Kohut ; C. Strozier, ed. – New York : W. W. Norton, 1985. – 290 p.
14. Moreno J. L. Who shall survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama / J. L. Moreno. – Beacon, N.Y. : Beacon House Inc., 1953. – cxiv; 763 p.
15. Sociodrama in a Changing World: An anthology of international developments / Ed. by R. Wiener, D. Adderley, K. Kirk. – Raleigh, NC: www.lulu.com , 2011. – 355 p.
16. Teszáry J. Projection and projective identification as mechanisms in the creation of an enemy / J. Teszáry // Sociodrama in a Changing World: An anthology of international developments / Ed. by R. Wiener, D. Adderley, K. Kirk. – Raleigh, NC: www.lulu.com, 2011. – P. 213–217.
17. Volkan V. Bloodlines: from ethnic pride to ethnic terrorism / V. Volkan. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1997. – 280 p.